

2003. Стих. в переводах на немецкий яз.: Трезвое эхо. Берлин, 1985; Риск доверия. Вальд, 1987; Как стать жирафом: на рус., нем. Вайссах им Таль, 1987, и др. изд.; Памятник неизвестному трусу. Мюнхен, 1990; Лупа железного времени. Вайссах им Таль, 1996; Телескоп времени: на рус., нем. Вайссах им Таль, 2003. Проза: Сырая рукопись: роман. Вайссах им Таль, 1991; Башмак Эмпедокла: роман. Вайссах им Таль, 1994; новая ред. романа: Простор. 2004. № 12; Узоры на бамбуковой циновке: рус., нем. Вайссах им Таль, 2001; Орден Полярной звезды: Повесть. М., 2001. Т. 19–20. (Библиотека русской фантастики).

Переводы: Хайнц Калау. Избранная лирика. М., 1982; Эрих Фрид. Избранная лирика. М., 1987; Райнер Мария Рильке. Стихотворения: Избранная лирика. М. 1999.

Лит.: Ульяшов П. Благословим движенье // Лит. газ. 1981. № 49; Сенкевич А. [Рец.] // Лит. обозрение. 1982. № 5. С. 77–78; Осетров Евг. [Рец.] // Новый мир. 1982. № 3; Липневич В. [Рец.] // Лит. Россия. 1983. 23 дек.; Степанян К. Путь к свету // Лит. Армения. 1986. № 6; Белололов В. Ода удивлению // Книжное обозрение. 1986. № 32. 8 авг.; Лободанов А. То, что незримо // Лит. газ. 1987. № 44; Урбан А. Сердечное умозрение // Лит. обозрение. 1987. № 9; Талантливому читателю: [интервью] // Московский комсомолец. 1987. 22 марта; Секрет вхождения в лит-ру: [интервью] // Юность. 2002. № 11; Дементьев В. От восхождения до закатоказания // Москва. 2004. № 4. С. 225–227; Майсюк А. Геометрия бытия // Лит. Россия. 2004. № 33. 13 авг. Липневич В. Феномен Куприянова // Дружба народов. 2004. № 10. С. 209–212.

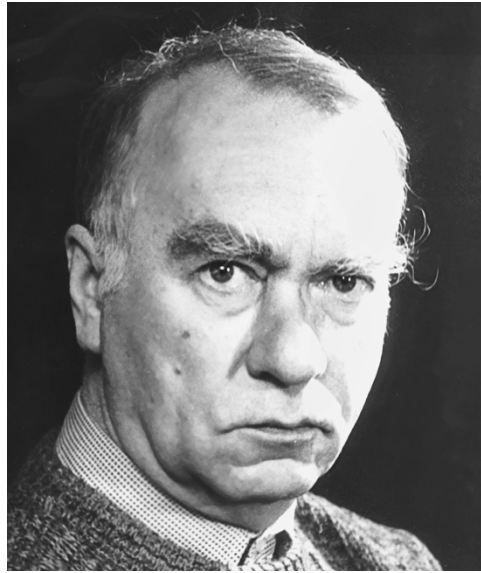
В. Р. Либеров

КУРАЕВ Михаил Николаевич [18.6.1939, Ленинград] — прозаик, сценарист.

Родился в семье гидростроителя, во время блокады Ленинграда в 1942 эвакуирован в Череповец, до и после войны жил в Заполярье, с 1954 — в Ленинграде. В 1961 окончил театроведческий ф-т Театрального ин-та, в 1961–88 работал в сценарном отделе «Ленфильма». Дипломная работа К. **«Произведения Чехова на экране»** опубликована в сб. «Лит-ра и кино» (1965). Чеховская тема вообще существенна для К. — не только как предмет специальных исследований, но и как недостижимо притягательная область писательских устремлений. Чехов обуздывает авторское своеволие К., «мешает» ему писать.

К. — автор сценариев 6 худож. фильмов: **«Пятая четверть»** (1969), **«Строгая мужская жизнь»** (1974), **«Крик гагары»** (1979), **«Прогулка, достойная мужчин»** (1984), **«Ожог»** (1988), **«Сократ»** (1990).

Однако известность принесло К. опубликование «фантастического повествования»

М. Н. Кураев

«Капитан Дикштейн» (Новый мир. 1987. № 9). С перерывами повесть создавалась 20 лет.

«Фантастичны» произведения К. в гоголевском смысле — с его заветом писать о золотых яблоках, но не о грушах на вербе. В философском плане все произведения К. вполне реалистичны; герои прозаика, стиль их отношения к жизни вызывают в памяти не гоголевских, а чеховских персонажей и следующих им персонажей прозы 1920–30 — Зоценко, Николая Баршева. К. разделяет печальный взгляд Чехова на человеческую жизнь как на «сюжет для небольшого рассказа», но пишет о достоинстве этого едва заметного существования. Маргинальное положение героев К. не мешает автору оценивать их как «несгибаемых гордецов» — даже в том описанном в «Капитане Дикштейне» случае, когда они отчуждаются от истории. Фабула этой повести по-чеховски скудна: ее герой, Игорь Иванович Дикштейн, встал утром с кровати, помыл бутылки из-под олифы, сдал их, выпил пива и, возвращаясь домой, умер от разрыва сердца прямо на улице 27 янв. 196... возле полуразрушенного гатчинского собора. И вот характерная для всей прозы К. странность. Чеховская интрига повлекла автора к разработке темы в гоголевском патетико-ироническом ключе. Гоголевские «мнимости» в XX в. наполнились вполне актуальным содержанием. Дикштейн, подобно Чичикову или Хлестакову, глядит оборотнем, он совсем не тот, за кого вынужден себя

выдавать. Что для понимания истории нашего времени, перелицовывающей себя на ходу, изо дня в день, существенно. Игорь Иванович на самом деле никакой не Игорь Иванович, никакой не Дикштейн, а некто «чубатый», ко чегар с линкора «Севастополь». Линкор же этот стал оплотом мятежа во время кронштадтского восстания в марте 1921. «Братишка» оказался тем самым персонажем, без которого понять драматический ход истории едва ли возможно. Подобные ему, подвластные влиянию всех стихий «военморы» заливали своей и чужой кровью кронштадтский лед. Рассказ о степенном обывателе, исполненном известного чувства собственного достоинства, опоясан у К. исторической бурей, в ней начинается и ею порожден. Проза К. рассматривает принципиальный для понимания сущности человеческой жизни внутри истории вопрос: подвержена ли она кардинальным метаморфозам, может ли на дорогах истории Савл превратиться в Павла? К. повествует о случае, когда, присвоив себе имя и вообразив высокую сущность расстрелянного по случайности вместо него самого Дикштейна, «чубатый» приобретает и новые человеческие качества, новое лицо, внутренне сближаясь с неведомым ему человеком. Именно он осуществляет мечту прежнего Игоря Ивановича оказаться «посередине истории», между ее полюсов. «Чубатый» перерождается в своего предтечу, в «сочувствующего», но, как остроумно замечает автор, «неизвестно кому», гражданина. С такими не считаются революции, и они вновь обретают достоинство и голос, когда бытие входит в спокойное русло.

По К., и тогда, когда история, само человеческое бытие вывернуты наизнанку, лирическая струна продолжает звенеть хотя бы и в тюремном тумане. «...Вот я и говорю... Хорошо в такую ночь на обыск идти или на изъятие», — расслабляется в «**Ночном дозоре**» (1989) стрелок ВОХРа тов. Полуболотов.

К. — писатель, разгадывающий и создающий заново в русской культуре «петербургский миф». Его герои живут «у бездны мрачной на краю», в самом «умышленном», по выражению Достоевского, из городов мира и сами являются «умышленнейшими» из известных лит-ре людей. Их гложет один вопрос: «Кто мою жизнь сочинил, кто выдумал?» Это метафизическое недоумение — ядро прозы К. Писатель разгадывает тайну анонимного существования затерявшегося на периферии жизни индивида, чувствующего себя, тем не менее, единственным и неповторимым субъектом истории. И этот же человек

неотличим от легиона ему подобных. «Каждый человек есть хочет, спать хочет, жить хочет... Вот и соображай!» — написано в «Ночном дозоре».

Мотив двойничества неизбежно связан в лит-ре с темой исчезновения, с темой небытия. Ее трактовке посвящено самое крупное и самое «петербургское» произведение К. — «**Зеркало Монтачки**» (1993). В этой «криминальной сюите» дwoятся не только персонажи — братья-близнецы Аполлинарий Иванович и Акиба Иванович, дwoится материальный мир: питерская коммунальная квартира адекватна здесь равелинам Петропавловской крепости. Это удвоение обозначает также и субстанциональное разделение: обитатели квартиры неожиданно перестали отражаться в зеркалах. Зеркала обогащаются занавесями, а занавешенное зеркало — это знак смерти...

Все произведения К. об этом и написаны — о трагедии существования перед лицом смерти, о призрачной возможности сохранять достоинство перед недалеким финалом. «Хорошо Марии Адольфовне, она старая и скоро умрет, а нам с вами жить...» Этот конец «**Маленькой семейной тайны**» (1990) много говорит о жизни в XX в., о людях, которые «...бегством в могилу... норовят ускользнуть от неминуемого светлого будущего».

Уход за могилой «Неизвестного блокадника», возведенного героиней в ранг сына, — центральный злeмящий эпизод «праздничной повести» «**Блок-ада**» (1994), заканчивающейся самой безысходной из кураевских картин. «Женщина, еще живая, но уже прислоненная к груде трупов на станции Борисова Грива» — вот символ «жизни» нашего века по К.

И все же кавычки в слове «жизнь» для К. не окончательны: есть в «праздничной повести» надежда, что избображенный в ней мальчик, бредущий по блокадному городу, жить и свидетельствовать — останется.

Естественным, а потому и неизбежным, стало возвращение К. в кинодраматургию. Работа в Комиссии по помилованию дала ему материал для сценариев «**Собачий промысел**» (2003) и «**Свежая кровь**» (2003). Последней крупной работой К. стал двенадцатисерийный телесериал «**Присяжные поверенные**» — о возникновении отечественной интеллигенции.

К. пишет о человеческом прямом участии в исторической жизни, о том, что нами самими создана «черная дыра», в которую затягивается наше историческое бытие. Материал, пошедший на прозу К., — дымящийся и кровоточащий. Это кусок питерской были, невских просторов, петербургской истории, поме-

щенный, говоря словами поэта, в «самой страшной крепости раствор» — в зыбкое и неизбывное наваждение, в «ночную даль под взглядом белой ночи». «С этих низин видно так далеко, как не видно ни с Уральских гор, ни с Кавказских и даже с Воробьевых» (**Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург**. С. 28).

Соч.: Полезный разговор // Вопр. лит.-ры. 1986. № 11; Маленькая семейная тайна // Новый мир. 1990. № 3; отд. изд.— М., 1992; Ночной дозор. М., 1990; Путь по дороге в царстве небесное // Знамя. 1991. № 2; Дружбы нежное волнение // Новый мир. 1992. № 8; О Рембрандте и о себе // Дружба народов. 1992. № 8; Куранты быют // Знамя. 1992. № 11; Слеза оккупанта // Дружба народов. 1994. № 4; Блок-ада // Знамя. 1994. № 7; Как я старался не стать писателем // Звезда. 1994. № 8; Зеркало Монтачки. М., 1994; Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург. СПб., 1996; Охота на свиней. СПб., 1998; Питерская Атлантида. СПб., 1999; Приятные тени. М., 2001; Свидетели неизбежного. СПб., 2004.

Лит.: Дедков И. Хождение за правдой // Знамя. 1988. № 2; Агеев А. Государственный сумасшедший // Лит. обозрение. 1989. № 8; Аннинский Л. Как удерживать лицо // Знамя. 1989. № 9; Иванова Н. Миргород: История продолжается? // Столица. 1992. № 7; Немзер А. Современные диалоги с Гоголем // Новый мир. 1994. № 5; Елисеев Н. Тень «Амаркорда» // Новый мир. 1995. № 4; Астафьев В. Вместо предисловия... // День и ночь. Красноярск, 1996. № 6; Курбатов В. Загадочное существо — жизнь // Дружба народов. 1997. № 4; Войтуф Л. Творчество Михаила Кураева: магистерская дис. Варшава, 2001; Михаил Кураев: Литературное досье. Рязань; СПб., 2004.

А. Ю. Арьев

КУРА́НОВ Юрий Николаевич [5.2.1931, Ленинград — 11.6.2001, Калининград] — прозаик, поэт.

Отец — живописец, заведовал в Эрмитаже Золотой кладовой и реставрационными мастерскими. Мать — искусствовед, работала и жила в Русском музее, где родился К. Раннее детство прошло среди постоянно обновляющихся экспозиций, в кругу талантливых мастеров кисти и пера. Когда К. было 3 года, мать оставила семью. Отца, пламенного коммуниста, вскоре арестовали, и 6-летний вундеркинд вместе с дедом, бабкой и дядей, тоже революционерами из рабочих, был отправлен в ссылку на Иртыш. Красота сибирской земли стала глубоким жизненным впечатлением, с тех пор для писателя слились воедино любовь к искусству, городской культуре и тяга к природе, деревне, глубоким и цельным людям.

Среднюю школу К. закончил в Норильске, разыскав там отца и подрабатывая в странствиях по Сибири разрисовкой модных тогда в народе ярких клеенчатых ковриков. В 1950–53 учился на историческом ф-те МГУ, в 1954–56 — на сценарном ф-те ВГИКа. Начал печатать стихи в 1956. Дальнейшую творческую судьбу определило знакомство с К. Г. Паустовским: «Он одним из первых учил меня ценить живое дыхание слова, пение красок, мудрую простоту повседневности, под которой скрыты глубинные движения человеческого сердца» (**«Глубокий поклон»** // Лит. газ. 1967. № 22).

Поворотным моментом в жизни К. оказалась поездка в 1957 в костромские края, после которой он решил постоянно жить в деревне. Сначала переехал в костромское с. Пыщуг, где обрел друга — самобитного живописца А. Козлова, а затем и семью. Здесь был создан цикл коротких рассказов **«Лето на Севере»** (опубл. в 1959 в «Правде», «Лит. газ.», «Новом мире»; отд. изд.— Кострома, 1961), привлечший внимание критики и читателей. Один из первых отзывов принадлежал Ю. В. Бондареву: «Куранов — писатель своеобразный, с тонкой чистотой красок, со своей манерой, со своей труднейшей краткостью, требующей слова алмазно отточенного, верного и в то же время лишнего экспрессивной нарочитости... Нам дорог этот свет авторской доброты, что делает людей целомудреннее» (Бондарев Ю. Душа художника // Лит. газ. 1959. 27 авг.).

Ю. Н. Куранов